

ность и красоту. Автор констатирует также, что, несмотря на регистрацию новобрачных в загсах, старики еще нередко настаивают на приглашении муллы.

В материалах XXIV съезда КПСС и XVII съезда КП Таджикистана вопрос о борьбе с вредными пережитками прошлого рассматривается как одна из важнейших проблем. Автор показывает, как таджикские ученые изучают положительные и отрицательные стороны народных традиций, обычаев и обрядов, предлагают определенные рекомендации и, таким образом, способствуют изживанию вредных пережитков.

Отмечается появление в Таджикистане дворцов бракосочетания, которые население именуется «домами счастья». Нарядно оформляются также помещения загсов. Получение молодоженами свидетельства о браке отмечается теперь торжественно песнями, танцами и небольшим угощением — *ширину шакар*. Одна из лучших черт старого свадебного обряда — чудесные песни молодежи. Автор жалеет, что сейчас выходят из употребления песни Накш и Лалола, которые вполне можно было бы петь на свадьбе, заменив некоторые религиозные стихи хорошими современными стихами. Очень красива песня «Ер-ер», исполнявшаяся обычно молодыми женщинами: ее также стоило бы обогатить новыми двустушиями и четверостишиями. Существует интересный и красивый обряд *шарбатдори* (Нуратинский район Узбекистана): женщина, обладающая способностью к декламации, наливает в пиалу шербет и читает стихи о соединении двух любящих сердец (газель). Затем подает каждой гостье пиалу, та же, возвращая пиалу, в свою очередь читает газель. Этот обряд под названием *байтбарак* имел место и в Ходженте, но, к сожалению, особого распространения пока не получил. Существует много других церемоний, которым в книге дается положительная оценка — разжигание костров, расстилание *пойандоза* (дорожки для прохода новобрачных), украшение комнаты новобрачных и др. Поддержать и укрепить эти обряды и создать новые — задача общественности, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Автор сообщает, что новым обрядам он намерен посвятить особую работу.

К сожалению, небольшая интересная книжка Х. Г. Ишанкулова, напечатанная ротарином в издательстве «Дониш», технически плохо оформлена: очень бледный текст, местами едва читаемый, тусклая невыразительная обложка.

Н. А. Кисляков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Данг Фонг. Первобытная экономика Вьетнама, Ханой, 1970, 490 стр. (на вьетнамском языке).

Одна из важнейших задач ученых Демократической Республики Вьетнам — освождение отечественной исторической науки от вулгаризаторских концепций феодально-колониального периода о древнем прошлом страны. За 27 лет после провозглашения Демократической Республики Вьетнам опубликовано много статей и монографий, в которых на основе новых научных данных, с материалистических позиций рассматриваются вопросы первобытности, рабовладения, раннего феодализма и т. п. К такого рода работам относится рецензируемая книга ученого-экономиста Ханойского университета Данг Фонга. Ее появление сразу же привлекло внимание вьетнамских специалистов. Дело в том, что в книге Данг Фонга впервые сделана попытка на базе материалов археологии, истории и экономики раскрыть закономерности и особенности развития производительных сил и производственных отношений первобытного Вьетнама. В ведущем гуманитарном журнале ДРВ «Исторические исследования» помещен обзор работы Данг Фонга, сделанный археологом и историком Фам-ван-Кинем¹. Эта публикация позволяет нам ознакомиться и с оценкой рецензируемой книги вьетнамским ученым.

Монография состоит из трех частей, заключения и библиографии из 182 наименований трудов на различных языках, в том числе на русском. Предисловие написано директором Института экономики ДРВ Чан Фыонгом.

В первой части (стр. 17—80) речь идет об орудиях труда первобытного человека и технике их изготовления. Автор говорит о древности обитания людей на территории Вьетнама, что подтверждается находками (в районе Донгфо провинции Ниньбинь, а также в провинциях Йенбай и Лангшон), зубов, схожих с зубами синантропа. Кроме того в 1960 г. вьетнамскими археологами при участии П. И. Борисковского в качестве консультанта² было открыто палеолитическое местонахождение на горе До провинции

¹ Фам-ван-Кинь. Некоторые соображения по археологическим вопросам, содержащимся в книге «Первобытная экономика Вьетнама», «Исторические исследования», 1971, № 136, стр. 45—53 (на вьетнамском языке).

² Здесь наблюдается некоторое расхождение между данными Данг Фонга и П. И. Борисковского, который в своей книге «Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии» (Л., 1971, стр. 142) пишет, что первая находка сделана в пещере

Тханьхоа. Обнаружение остатков ископаемых гоминид, однако, приводит Данг Фонга к следующему выводу: «...история Вьетнама насчитывает не 2000 или 4000 лет, а несколько сот тысяч лет и, возможно, еще больше» (стр. 23). Тем самым, вольно или невольно, автор становится на рискованный путь утверждения этнической изначальности.

Фам-ван-Кинь разбирает в указанной выше статье археологическую часть книги. Его возражения автору весьма серьезные, даже резки. С тем, что «материал, собранный в книге разрозненный, непроверенный, носит характер нагромождения...», что ее автор имеет «недостаточно правильные познания и не обладает необходимым кругозором по основам экономического исследования...»³, согласиться трудно, хотя ряд весьма существенных замечаний Фам-ван-Киня представляется нам правильными. В частности Фам-ван-Кинь справедливо упрекает Данг Фонга за то, что тот на стр. 26 первобытнообщинный строй относит к периоду каменного века⁴. Несомненную ошибку автор допускает, когда определяет местонахождение на горе До временем среднего и позднего палеолита, тогда как в действительности оно является древнепалеолитическим (стр. 36—39)⁵. Неудачна в первой части книги попытка провести аналогии между орудиями труда древнего палеолита горы До и каменными изделиями хоабиньской культуры, которая относится, как известно, к мезолиту и раннему неолиту (стр. 41). Неправоммерно, как кажется, сравнение современных этнических групп арем и рук, живущих в пещерах, с хоабиньцами (стр. 47). В главе об орудиях труда и технике раннеолитического периода автор сопоставляет культуру Бакшон с открытой в 1963 г. культурой Куиньван (провинция Нгеан). Несомненно, что между этими культурами существует сходство, но вопрос о том, были ли они взаимосвязаны, требует дальнейшего исследования.

Менее всего материалов по среднему неолиту Вьетнама, поэтому Данг Фонг рассматривает всего две стоянки — Дабут и Донгххой, отмечая более высокий уровень каменной индустрии последней (стр. 58—61). При анализе периода позднего неолита Данг Фонг не только подчеркивает производственно-хозяйственный прогресс: он указывает, что в это время происходят крупные перемещения населения и освоение долин, побережья и островов. К сожалению, очевидно из-за недостатка места, в книге не упоминается об открытых недавно стоянках на островах залива Халонг и в провинциях Тхайбинь и Намдинь. Не вполне четкую позицию занял автор по определению стоянок периода ранней бронзы. На основе того, что в таких стоянках бронзового века, как Лунгхоа, Донгдау, Тышон, Хоангго, найдено сравнительно немного бронзовых предметов, он причисляет их к поздненеолитическим (стр. 68).

Во второй части (стр. 83—272) Данг Фонг рассматривает проблемы, по его терминологии, «присваивающей экономики» (собирательство, охота, рыболовство) и «созидательной экономики» (земледелие, животноводство, ремесло). Известно, что в чистом виде ни «присваивающей», ни «созидательной» экономики не существовало, и лучше говорить о типах хозяйства первобытного человека. Тем не менее автор правильно указывает, что в первом случае человек пользовался продуктами природы без их восстановления, а во втором — посредством своего труда увеличивал их производство. Для иллюстрации своих теоретических положений, Данг Фонг использует многочисленные примеры из жизни современных горных народов Вьетнама и других народов мира, которые еще недавно вышли из первобытности. Приводимые им материалы чрезвычайно интересны в первую очередь для этнографов. Рассматривая сферу присваивающих хозяйств, автор показывает значение природных условий для жизнедеятельности человека. Например, если семье гренландского эскимоса для того, чтобы прокормиться, требуется 2250 кв. км, то район собирательства для 10 семей таких этнических групп Вьетнама, как са, пуок, мангы, ограничивается всего лишь 5 кв. км (стр. 90). Данг Фонг приводит в своей работе и редко встречающиеся в этнографической литературе данные о продуктах собирательства. Так, тхай и са используют 9 видов деревьев, клубней и плодов для изготовления муки; 50 видов лесных овощей; 40 видов побегов бамбука; обычные и древесные грибы; 32 вида насеконных...

Глава об охоте начинается с характеристики особенностей фауны Вьетнама (300 видов диких животных и более 1000 видов птиц), которая, по утверждению автора, сохранилась почти без изменений с самых отдаленных времен, тогда как в других частях света многие животные исчезли. Однако следует вспомнить, что и во Вьетнаме уже нет носорогов, белых слонов, белых фазанов и некоторых других видов фауны, истребленных еще во время господства китайцев (III в. до н. э. — X в. н. э.), которые взимали дань рогом носорога, слоновой костью, экзотическими породами птиц и т. п. В этой же главе Данг Фонг перечисляет диких животных, костные остатки которых найдены археологами на месте стоянок первобытного человека: это в своем большинстве кости дикой собаки, лисицы, дикобраза, гиббона. Автор полагает, что в первобытную эпоху существовало три типа охотничьего инвентаря: ручные мета-

Тхунгланг близ Донгзюа, а вторая — вьетнамо-немецкой палеонтологической экспедицией в 1963—1964 гг. В рецензируемой же книге эта экспедиция названа археологической, а работа ее отнесена к 1965 г.

³ Фам-ван-Кинь, Указ. раб., стр. 46.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ П. И. Борисовский, Указ. раб., стр. 140.

тельные снаряды (палки, копыя, палицы, топоры), ловушки и луки. На наш взгляд, описание последних несколько осовременено.

Раздел «Рыболовство» сравнительно небольшой, но тем не менее дает читателю представление о наиболее распространенных способах рыбной ловли, орудиях рыболовства, средствах водного транспорта у различных горных народов Вьетнама. Подчеркивая важность рыболовства, Данг Фонг указывает на то, что во Вьетнаме насчитывается более 200 видов рыб и что на 1 кв. км озер приходится в 30 раз больше рыбы, чем в водоемах Северной Азии (стр. 144). Хотя в книге это прямо не сказано, подразумевается, что подобная рыболовная техника без особых изменений существовала и в первобытном обществе.

Основное внимание в рецензируемой книге уделено, пожалуй, земледелию. Автор сразу же выдвигает довольно спорный, по нашему представлению, тезис о том, что на всех этапах первобытнообщинного строя экономика Вьетнама базировалась на земледелии. Следует отметить, что того же мнения придерживается и директор Института экономики ДРВ Чан Фыонг, который в предисловии к книге на стр. 10 пишет: «... основой первобытного производства во Вьетнаме являлось земледелие». Однако сам же Данг Фонг, оставляя в стороне такие периоды первобытности, как плеолит и мезолит, заявляет, что земледелие во Вьетнаме возникло в раннем неолите, с появлением шлифованных орудий труда. Затем на стр. 173 он, ссылаясь на статью Чыонг Хока⁶ говорит о мотыгах и прочем сельскохозяйственном инвентаре мезолитической культуры Хоабинь. Но, во-первых, классики марксизма не связывали начало земледелия со шлифовкой камня, указывая, что возделывание растений появилось в период «низшей ступени варварства», т. е. в эпоху среднего и позднего неолита⁷. Во-вторых, в мезолитический период во Вьетнаме отсутствовали как каменные мотыги, так и само земледелие⁸. Впрочем, Данг Фонг делает еще одно отступление от своей первоначальной концепции, говоря, что во Вьетнаме и других областях Юго-Восточной Азии раньше, до появления мотыг, применялись по крайней мере два других способа подготовки почвы для посева: с помощью палки с заостренным концом и «замеса», когда ногами месят увлажненные участки земли (стр. 184).

Данг Фонг справедливо критикует тех авторов, в частности Ю. Ф. Новикова⁹, которые считают, что уже на раннем этапе развития растениеводства первобытные люди использовали удобрения (стр. 200). Достаточно сказать, что большинство горных народов Вьетнама вплоть до образования ДРВ не применяло удобрений.

Много интересных страниц посвящает Данг Фонг описанию подсечно-огневого земледелия на полях «рэй» и «ныонг», первобытной ирригации, культивированию двух подвидов риса — осеннего урожая 10-го месяца по лунному календарю и весеннего урожая 5-го месяца. Основные из выращиваемых ныне растений были окультурены еще в неолите. Как показывает Данг Фонг, родиной риса является Индокитай, а центром выведения риса весеннего урожая — Южный Вьетнам.

В главе «Животноводство» говорится о находках в поздненеолитических стоянках костей свиньи, буйвола и быка, а в стоянках периода ранней бронзы — курицы. По мнению автора, первым домашним животным была свинья и лишь затем буйвол (стр. 221—222). Лошади во Вьетнаме не были широко распространены и появились сравнительно поздно. Опираясь на книгу М. О. Косвена, считавшего родиной домашней лошади Туркмению¹⁰, Данг Фонг отмечает, что диких лошадей в Юго-Восточной Азии вообще не было. Молочное животноводство во Вьетнаме не развито из-за недостаточности кормовой базы, крупный рогатый скот используется как тягло или (у горных народов) служит средством обмена; мясо едят по большим ритуальным и семейным праздникам.

Значительное место в книге уделено первобытным ремеслам. Автор совершенно прав, критикуя тех, кто полагал, что бакшонские ранненеолитические топоры, которые находят и на расстоянии нескольких сот километров от Бакшена в провинции Куангбинь, были предметами товарного производства. Последнее, как известно, возникает в классовом обществе, и связано со вторым крупным разделением труда — отделением ремесла от земледелия, а в период неолита обмен изделий производился внутри племени. Обработку дерева и бамбука Данг Фонг связывает с плетением, а последнее — с ткачеством, которое, по его мнению, развилось из плетения древесных волокон для рыболовных сетей. По данным автора, наиболее ранними видами сырья, использовавшегося для выделки тканей, были волокна листьев банана, тутового дерева, джута и рами. Используя древнекитайские исторические источники, Данг Фонг доказывает, что китайцы впервые познакомились с хлопком и шелководством именно во Вьетнаме и что умение раскрашивать ткани в различные цвета китайцы также заимствовали от предков вьетнамцев (стр. 249).

⁶ Чыонг Хок, Некоторые мнения по вопросу о датировке каменных изделий во Вьетнаме, «Исторические исследования», 1963, № 47 (на вьетнамском языке).

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 30.

⁸ П. И. Борисковский, Первобытное прошлое Вьетнама, М.—Л., 1966, стр. 81.

⁹ Ю. Ф. Новиков, О возникновении земледелия и его первоначальных формах, «Сов. археология», 1959, № 4, стр. 36.

¹⁰ М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 83.

Производство глиняных изделий началось, по Данг Фонгу, с конца мезолита, с корзиночной керамики. Раннеолитическая бакшонская керамика была в основном лепной; изделия высушивались на открытом воздухе. В период позднего неолита посуда из глины изготовлялась уже на гончарных кругах и обжигалась в печах при температуре до 1000 градусов.

Появление плавки металлических руд совпало с началом распада первобытного общества. Рассматривая эпоху раннего металла во Вьетнаме, Данг Фонг особо подчеркивает, что бронзовые изделия применялись главным образом в военных целях и что они были неспособны быстро вытеснить из употребления каменные орудия. Однако это положение справедливо не только для Вьетнама. Характеризуя этот период в целом, Энгельс писал: «...бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели»¹¹.

Последняя часть книги, «Имущественные и товарно-денежные отношения в первобытную эпоху», посвящена проблемам пользования, владения и распределения продуктов, собственности на продукты труда, разбору форм владения и собственности на землю, рассмотрению видов и способов обмена. Формулировка заглавия сразу же настораживает читателя, так как, согласно марксистскому пониманию, «родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством»¹². Хотя применительно к первобытности понятие «товаро-денежные отношения» употреблено не совсем удачно, автор рассматривает эти отношения с точки зрения производства средств производства и потребления для простого обмена, а не товарного производства для простого обмена. Деньгами он называет их первые эквиваленты, напр., поделки из камня и раковин. На ранних этапах первобытного общества, как правильно отмечает Данг Фонг, люди пользовались продуктами природы главным образом для непосредственного потребления. В собирательстве труд человека проявлялся, в основном в физических усилиях по добычанию пищи, но в охоте и рыболовстве труд был уже явственно овеществлен в создании ловушек, запруд, изготовлении луков, стрел, сетей. По Данг Фонгу, увеличение количества труда, затрачиваемого на производство продукта, ограничивает право свободного пользования и ведет к возникновению частной собственности. Формированию отношений собственности способствует и племенная монополия на участок земли, леса, водоема... Что же касается появления «абсолютного пользования» или владения, то Данг Фонг связывает это с ростом численности населения и уменьшением полезного продукта, находящегося в природе. Автор, несомненно, преувеличивает роль «трудового» и демографического факторов в общественном развитии и очень мало говорит о значении углубляющегося разделения труда, о появлении имущественного неравенства, о накоплении богатств в руках отдельных лиц, о начале классового расслоения.

Обращаясь к производственным отношениям первобытного общества, Данг Фонг широко использует обычное право ряда современных горных народов Вьетнама. Большое внимание уделяется вопросу о том, в чьем владении находятся средства производства. К примеру, у народа эдэ обычное право устанавливает, что «...земля, вода и лес не могут быть захвачены и никто не может сделать их своими. Каждый человек имеет право выжечь ныонг в любом месте, ловить рыбу в любом водоеме, брать мед из любого улья на деревьях и кустарнике, срезать дикий сахарный тростник, солому и бамбук для постройки жилищ, сжигать лес во время охоты» (стр. 281). У этого же народа (как, впрочем, и у ряда других) земля была поделена на области хозяйствования — «кринги», которые в древности являлись общей собственностью коллектива. Ныне право собственности закреплено за «хозяевами земли» — главными представителями ядра сородичей. В их функции входит охрана территории¹³ от возможных захватов чужаков, отправление правосудия, соблюдение обычаев предков. Сородичи, в пределах своей хозяйственной области, могут свободно заниматься подсечно-огневым земледелием, выбирая и обрабатывая нужный участок, но пришельцы обязательно должны получить согласие хозяина земли и поднести ему дары. У мыонгов до недавнего времени широко бытовал обычай, согласно которому охотники были обязаны поднести хозяину земли, где было убито животное, ногу этого животного (стр. 357). Водозаливные поля «руонг» некогда также были в коллективном владении родовых групп, большесемейных и сельских общин, но, как отмечает Данг Фонг, к началу Августовской революции 1945 г. большая часть этих полей находилась уже в руках частных собственников, а оставшаяся — распределялась общинами между семьями для обработки с более или менее регулярными переделами. Автор правильно объясняет сущность перераспределения руонг как защитную реакцию общины против превращения этих земель в собственность отдельных семей. Однако, он все же остается на своей позиции в вопросе о возникновении частной собственности, выводя ее из увеличения трудоемкости продукции. Данг Фонг считает, как это можно видеть из текста его книги, что пережитки имущественных отношений первобытнообщинного строя в наибольшей степени сохранились у матрилинейных обществ

¹¹ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 161.

¹² Там же, стр. 111.

¹³ Площадь «крингов» доходила до нескольких тысяч квадратных километров.

Вьетнама — эдэ, зяжай, бих, ма, мнонгов и тямов¹⁴. Он иллюстрирует это на примере мнонг ролам, родственные группы которых интегрированы в общины большесемейного или сельского типа. Иногда две-три таких группы живут в одном селении, а иногда одна группа расселяется в нескольких местах. Земля принадлежит родоначальному «пулу», а дочерние группы обрабатывают ее на правах пользования. В способе производства отчетливо выражен переходный характер производственных отношений. В некоторых районах землю обрабатывают сообща всей группой, коллективно охотятся, ловят рыбу, ухаживают за домашним скотом. В других — эти работы выполняют отдельные семьи. В первом случае продукты производства принадлежат всему коллективу, во втором — семье. Общим имуществом, которым заведует женщина, являются длинные дома, буйволы, слоны (средство транспорта), медные котлы, тазы, гонги, одеяла, одежда и украшения. К семейному имуществу относятся также ножи, мотыги, небольшие лодки, мелкие орудия охоты и рыболовства.

Данг Фонг полагает, что самой ранней формой первобытного обмена была «молчаливая» торговля, сущность которой состояла в том, что «торгующие» стороны, предлагая свои продукты, не имели непосредственных контактов между собой. Автор приводит примеры из обмена между этническими группами шать и рук. Свои товары (кости обезьян, сушеные ростки бамбука, жир выдры и т. п.) рук оставляют в расщелинах скал, густых зарослях, дуплах деревьев. Шать приносят свои товары (медные котлы, топоры, соль и пр.) туда же. Та или другая сторона забирала продукты на основе собственной оценки.

Из этой формы торговли Данг Фонг выводит более высокую форму торговли, т. е. лавок без продавца, встречающихся и поныне на обочинах дорог в джунглях Вьетнама. Широкое распространение имела торговля через представителей, как правило старейшин, которым сородичи доверяли свою продукцию для обмена, а также торговля через специальные объединения, которые составляли караваны, ходившие даже в другие страны. В конце XIX в. эти объединения были вытеснены купцами-перекупщиками.

Первыми эквивалентами денег Данг Фонг считает раковины каури и каменные браслеты. Аргументы в подтверждение этого достаточно убедительны. Раковины находили в стоянках первобытных людей вдали от морского побережья, хотя моллюск обитает только в соленых морских водах. Данг Фонг полностью поддерживает предположение П. И. Борисковского, что раковины каури попадали в горы в результате обмена с приморскими племенами и ценились как украшения¹⁵. Народ тхай называет каури «мабиа» (ма — плод, биа — старая денежная единица). У сакау почти все женщины имеют бусы из раковин (ксоонг) и утверждают, что два-три поколения назад ксоонг служили деньгами. На границе с Лаосом серебряный пиастр был недавно эквивалентен 40 крупным или 60 мелким раковинам (средняя раковина величиной с фалангу пальца). И в настоящее время на тамошних базарах каури берут охотнее, чем деньги. У сакау сохраняется обычай, согласно которому с покойником кладут раковины как имеющие большее хождение в потустороннем мире, чем деньги. Невесты получают пять-десять каури в качестве приданого. Как деньги раковины использовали в старом Китае, особенно в провинции Юньнань, где их называли «бэйцзянь» (бэй — раковина каури, онет слов южного происхождения, «бал» или «биа»). В XIII в. хождение каури вместо монет зафиксировал Марко Поло, причем ему передавали, что раковины попали в Китай из Южного Вьетнама (стр. 417).

Каменные браслеты из стоянки Вандьен навели вьетнамских археологов на мысль, что часть их использовалась как средство обмена, так как они были слишком малы, чтобы можно было надевать их на руку (диаметр 5 см), но в то же время слишком велики для ушных подвесок¹⁶. В областях расселения тхай браслеты, сплетенные из бамбука для ношения на запястье, кладут в могилы вместо денег, чтобы расплатиться с духом — хозяином мертвых.

Книга Данг Фонга многоплановая, насыщена большим количеством фактического материала о древности и современном быте многих малых народов Вьетнама. Несмотря на наличие в работе ряда неточных положений и спорных мест, ее автор выполнил поставленную перед собой задачу — создал большую сводную работу по первобытной экономике Вьетнама, во многих отношениях интересную для историков, археологов и этнографов.

А. И. Мухлинов

¹⁴ Тямы значительно более развиты в социально-экономическом отношении и вряд ли правомерно ставить их в один ряд с другими перечисленными здесь народами.

¹⁵ П. И. Борисковский, Указ. раб., стр. 82.

¹⁶ Там же, стр. 140.